

The way in which each individual *E*-lexeme responds to this norm shows the degree of relevance of the specific parameter (or the features it specifies) for the *modus operandi* of the specific *E*-lexeme. A comparison of all *E*-lexemes with one parameter shows the differing relative semantic distances between the *E*-lexemes. Furthermore the differing structures of their bundles of actual semantic features are shown by differing responses of the various *E*-lexemes to different parameters." (P. 304.)

Considerations of space prevent the reviewer from dealing with the Second Part of the book as extensively as above. Some of the titles and subtitles of the chapters constituting Part Two, however, may give an idea of what has been examined with great precision and care: *Eingrenzung und Bestimmung der Lexemgruppe; Vergleich mit den lateinischen Vorlagen; Die F-Bezeichnungen in der altenglischen Poesie im Rahmen ihrer Sippen — innersprachlich etymologische Parameter. (1. Das System der F-Bezeichnungen mit ihren Sippen in der altenglischen Poesie im Vergleich zu ihrer Verwendung in der altenglischen Prosa, 2. Die Struktur der Gesamtsippen der F-Bezeichnungen in der altenglischen Poesie); Kollokationsuntersuchungen (1. Syntaktische Parameter, 2. Morphologische Parameter); F-Bezeichnungen und F-Beziehungen — onomasiologische Parameter (1. Denkmalgruppen, Frequenz und Verteilung, 2. Onomasiologische Spezialparameter).*

In the reviewer's opinion one of the most striking positive features of W. Kühlwein's book is the critical evaluation of older theories and the resulting creative synthesis based on the latest achievements of modern linguistics and yielding a system of *E*-lexemes and *E*-relations that really works. Viewed from the angle of the semantic level in the broadest sense of the word, the reviewed book has shown in detail *how* the *E*-lexemes and *E*-relations in OE poetry operate; possibly the next question to answer will be *why* they operate in this or that very way. Such problems may open new vistas of research so successfully started by the author of the reviewed book.

Aleš Svoboda

Ю. Д. Апресян: Экспериментальное исследование семантики русского глагола, Изд-во Наука, Москва 1967, 250 с.

1. Главной целью нашей рецензии является ознакомить читателя с работой и взглядами Ю. Д. Апресяна, одного из главных представителей русской семантической школы.

Его книга принадлежит к числу тех лингвистических работ, которые должны привлечь внимание всех лингвистов, занимающихся синтаксисом и семантикой естественных языков. Апресян работает методом структурной лингвистики и его книга не только ясно доказывает жизнеспособность структурных методов в языкознании, но также является доказательством, что при помощи этих методов можно прийти к новым и важным открытиям в семантике и синтаксисе. К сожалению, из-за недостатка места мы не сможем затронуть ряд интересных и спорных вопросов.

Рецензируемая книга состоит из двух частей: часть I имеет вводный и общий характер, часть II содержит дистрибутивно-трансформационное (сокращаем Д—Т) описание семантики русского глагола, т. е. конкретные результаты исследовательской работы автора.

Часть I содержит главы: (А) Предмет семантики (с. 5—19), (Б) Методы семантики (с. 20—22) и (В) Синтаксис и семантика (с. 23—35).

Часть II обширнее, она содержит главы: (А) Вводные замечания — постановка задачи и описание формального аппарата работы (с. 36—78), (Б) Дистрибутивно-трансформационный словарь — принципы разграничения значений (с. 79—117), (В) Синтаксические признаки и элементарная классификация глагольных фраз (с. 118—163), (Г) Иерархическая классификация глагольных фраз и общие принципы классификации (с. 164—188), (Д) Грамматика словаря и некоторые вопросы лексикографии (с. 189—214), (Е) Синтаксические парадигмы как классы в метрическом пространстве — построение семантического пространства и алгоритм построения классов и иерархия по матрице расстояний (с. 215—241).

2. *Предмет и методы семантики.* Традиционная лингвистическая семантика исходит из предположения, что слово существует объективно как часть уже созданных высказываний и с другой стороны как эквивалент элементов описывающих внешний мир и закрепленных в сознании говорящих. На таком подходе к семантике построена и вся лексикография, для которой не существует вопроса о том, откуда взялись единичные слова. Центральное внимание уделялось значению отдельного слова, взятого вне фразы, историческим семантическим процессам действующим в пределах слова или синонимического ряда. В двенадцатом веке проявляется интерес к синхронной семантике, описы-

вается систематика семантических явлений, имеющих место в рамках одного слова или группы слов, т. е. полисемия и омонимия, синонимия и антонимия, значение и употребление, исходные и переносные значения, узуальные и окказиональные значения и т. п.

Современная лингвистическая семантика считает своей целью построить адекватную семантическую теорию, способную организовать и обобщить данные о значениях слов и целых предложений. Точнее, сейчас начинаются исследовать значения не всех предложений, а *предикатных выражений*, состоящих из имени предиката, места в котором заполнены символами предметных переменных, напр. *А читает В, А дает В С*. Такое расширение предмета современной семантики можно объяснить рядом причин, из которых более важной следует считать разработку *действующих моделей языка* (такие модели стоят в центре внимания русской семантической школы) и *порождающих моделей языка* (которые разрабатываются прежде всего американскими трансформационистами). Второй важной причиной являются *новые технические приложения*, машинный перевод, вычислительная лингвистика, машинная обработка языковых информационных.

Из сопоставления традиционной и современной семантики надо сделать следующие выводы: (1) описание семантики языка обязательно предполагает явное различие языка-объекта и языка-субъекта (метаязык описания); (2) основной единицей описываемого языка должно быть не слово, а предикатное выражение; (3) предикатные выражения должны быть разбиты на классы эквивалентностей так, чтобы каждый класс содержал взаимно равнозначные предикатные выражения; (4) надо искать правила равнозначного преобразования одних выражений в другие, общие многим классам эквивалентностей, т. е. найти грамматику словаря (с. 15).

Мы считаем, что надо указать на существенное различие понятий „действующая модель языка“ vs. „порождающая модель языка“, из которого в значительной мере вытекает существенное различие между русской и американской семантическими школами. Мы считаем, что современное состояние лингвистической семантики дает нам право говорить о семантических школах, хотя кажется, что многие лингвисты склонны говорить только о существовании американской семантической школы (трансформационистов), которая появилась в ходе работы над трансформационными порождающими грамматиками. Интересно то, что указанное различие в последнее время стирается; как известно взгляды американских трансформационистов значительно изменились (напр. см. работы Ch. J. Fillmore, *The Case for Case, Universals in Linguistic Theory*, New York, 1968; J. D. McCawley, *The Role of Semantics in Generative Description, Universals in Linguistic Theory*, New York, 1968). Они самостоятельно пришли к мысли, что семантический компонент описания языка должен быть главным и должен обладать порождающей силой (что в работах русских семантиков не вызывало сомнений). Сближение проявилось также в том, что в центре внимания трансформационистов стало значение предикатного выражения и для его описания используется главным образом формальный аппарат исчисления предикатов (см. Апресян vs. Fillmore). Вследствие того появляются сейчас и в значительной мере сходные результаты, хотя исследуются разные языки (английский — русский), напр. обнаружение скрытых семантических механизмов, на основе которых можно сформулировать *правила равнозначных преобразований предикатных выражений*.

Итак, „действующая модель языка“ — это устройство способное понимать заданные предложения и строить предложения по заданному значению ..., т. е. это модель текст → смысл → текст, способная имитировать владение значениями, которое у говорящих проявляется в способности по-разному выразить одну и ту же мысль, а у слушающего в способности понять семантическое тождество внешне различных высказываний. Как считает Апресян, объяснение этой способности человека предполагает существование особого „семантического языка“, на котором мысли записываются и хранятся в памяти человека. Если такой семантический язык существует, то задачей лингвистов должно стать выявление и разработка *искусственного семантического языка*, „словами“ которого являются неопределяемые семантические признаки. Такой язык также представляется хорошим средством, которое позволит лексикографам последовательно и экономно описать семантику естественных языков. Первым преимуществом нового семантического метаязыка надо считать факт, что были найдены до того неизвестные механизмы равнозначного преобразования высказываний. Их обнаружение позволяет подойти вплотную к моделированию речевого поведения человека. Вторым важным открытием, которое прямо связано с исследованием семантического языка, является обнаружение *семантических функций*, описываемых в работе А. К. Жолковского и И. А. Мельчука (*О семантическом синтезе, Проблемы кибернетики 19*, Москва

1967, с. 177—238). Понятие семантической функции основано на том, что в языке существуют группы слов, представляющих комбинаторно обусловленные варианты выражения одного и того же значения, напр. мы имеем право говорить о семантической функции Magn (высокая степень), которая от разных аргументов (существительные) принимает разные значения (прилагательные), но сама остается неизменной, напр. Magn (приказ) = строгий, Magn (просьба) = убедительная, Magn (дождь) = проливной.

Для лингвистов очень важным является то, что различия в смысле ряда выражений, имеющих одно и то же значение, носят стандартный характер. Поэтому способы преобразования одного выражения в другое можно описать с помощью стандартных правил семантических перемен, которые имеют одинаковый вид для самых разнообразных выражений языка. Автор указывает, что совокупности выражений, обладающих одним и тем же значением, но различающихся смыслом, образуют своего рода „семантическую парадигму“ данного значения.

Из этого вытекает, что можно приступить к разработке „алгебры“ равнозначных преобразований и „семантических парадигм“, и все это позволяет описывать семантику как синтаксис со всеми отсюда вытекающими преимуществами, касающимися экономности и простоты представления семантических фактов и процессов.

3. *Семантическая классификация русских глаголов.* Апресян исходит из предположения, что синтаксическим различиям и сходствам соответствуют, как правило, существенные семантические различия и сходства. При этом допускается существование семантических различий, не выражаемых синтаксически. Это предположение проверяет автор в своей работе при помощи дистрибутивного и трансформационного анализа, в котором множество нерасклассифицированных объектов (предикатных выражений) подвергается дистрибутивным или трансформационным преобразованиям. Когда объекты допускают одни и те же изменения, они считаются элементами одного класса: в данном случае результатом является разбиение множества неопознанных объектов на классы, т. е. результатом являются семантические классы русских глаголов, полученные на основе их синтаксических свойств — в зависимости от того, каким дистрибутивным (совместимость) и трансформационным (трансформируемость) операциям они подвергаются. (Понятие трансформируемости в настоящей работе отличается от трансформаций Хомского; по Апресяну отношение трансформации должно выполнять следующие условия: (1) трансформация применима только к фразам содержащим одни и те же лексические морфемы; (2) в трансформируемых фразах должны быть сохранены отношения непосредственной синтаксической связи между соответствующими словами.)

Автор сознает одно важное ограничение применяемого метода (с. 34): ... „описание семантики через синтаксис дает возможность установить, в пределах одной словарной единицы или всего словаря, только тождества и различия значений, т. е. мы сможем лишь указать, какие выражения обозначают одни и те же явления действительности, а какие — различные.“

В работе было исследовано 1410 наиболее употребительных русских глаголов (по частотных словарях Г. Йосельсона и Э. А. Штейнфельдт), более точно, объектом анализа являлись фразы с глаголом в центральной синтаксической позиции (ориентированные фразы).

Исходя из данного множества ориентированных фраз, автор попытался найти все различные глагольные значения или разграничение значений каждого глагола. Результатом работы является список всех обнаруженных глагольных значений, т. е. дистрибутивно-трансформационный словарь русских глаголов содержащий 1410 словарных статей. Статьи имеют вид дерева с тремя уровнями: на первом уровне реализуются разные значения глагола, второй уровень содержит подклассы фраз, реализующих различные глагольные значения, и на последнем уровне для каждого ранее полученного подкласса даются все допустимые трансформации, которые в ряде случаев указывают дальнейшую классификацию уже полученных классов.

Далее автор описывает иерархическую классификацию глагольных фраз (а не глаголов), которая отличается от предыдущего Д—Т словаря только тем, что в первом случае (Д—Т словарь) классифицируется множество фраз с одним глаголом, и результат интерпретируется как разные значения глагола, а во втором случае классификации подвергается множество фраз со всеми глаголами и результат интерпретируется как различные семантические классы глаголов.

Результатом иерархической классификации глагольных фраз являются следующие

основные семантические классы (нашу характеристику следует считать упрощающей, так как классификация иерархическая) глаголов:

1. значение экзистенциальности;
2. значение состояния и перехода в состояние;
3. значение принимать положение в пространстве и значение выражающее определенный параметр субъекта — вес, объем, цена;
4. значение направленного действия и перемещения;
5. значение ненаправленного и беспорядочного перемещения субъекта;
6. значение действия или движения направленного к определенной точке;
7. комплекс достигательно-удалительных значений;
8. значение изменения свойства, части или собственности субъекта;
9. значение ситуации, характерным признаком которой является наличие адресата у действия;
10. значение действия имеющего объект (в широком смысле слова — этот класс охватывает почти все переходные глаголы), 10.1. перемещение объекта, 10.2. беспорядочное перемещение объекта, 10.3. направлять объект в какую-либо точку, 10.4. локализуемые действия, 10.5. значение „делаения и извлечения“, 10.6. изоляция и получение, 10.7. значения „сместать“, „каузировать перемещение“, „окружать“, 10.8. удержание, изъятие — приобретение, 10.9. передача или действие в пользу адресата, 10.10. „бить“ — „вознаграждать“, 10.11. направить объект, 10.12. контакт с частью объекта, репрессивное воздействие на объект, 10.13. „резать“, „проливать“, 10.14. заполнять объем материалом;

11. значение столкновения и типа „надеяться“, „жаловаться“, „нападать“.

Напомним, что указанная классификация характеризуется нами здесь только в общих чертах, но все-таки мы считаем, что она позволит получить представление об основных аспектах семантической классификации русских глагольных фраз.

4. *Заключение.* Работа проделанная автором является прочной основой для дальнейших семантических исследований и для построения действующей модели языка. Это подтверждается и статьей автора, опубликованной в *Вопросах языкознания* 5 (1968), (с. 34—49), с названием: *Об экспериментальном толковом словаре русского языка*, в которой указывается, что экспериментальный словарь сам по себе может стать алгоритмом и проверяться на вычислительной машине.

Книга Ю. Д. Апресяна свидетельствует о быстром и методологически чистом развитии в области семантических исследований естественных языков и показывает наглядно, как можно работать и сколько работы лингвисты должны еще сделать.

Карел Пала

Sborník prací jazykových kateder Vysoké školy ekonomické, II. Státní pedagogické nakladatelství, Praha 1969, 108 stran.

Již 1. svazek tohoto ročníku ukázal, že vyučující jazykové katedry obchodní fakulty Vysoké školy ekonomické jsou na výši nejen v oboru metodiky vyučování, ale i po stránce odborné vědecké. Potvrzuje to i 2. svazek, ve kterém se Vladimír Irgl zabývá synonymii anglické odborné terminologie, Josef Pytelka metaforou v jazyce anglických burzovních zpráv, Pavel Tučný využitím kvantitativní analýzy lexika při zkoumání obchodního stylu, Josef Dubský protikladem konstantních a potenciálních složek lexika odborného funkčního stylu, Radomír Choděra metodikou ústního projevu a Jaromír Lauermann metodikou výuky německé korespondence obchodní.

Za zvláště významnou považujeme studii docenta Dubského, která je velmi cenným příspěvkem k řešení složité a dosud málo probádané problematiky funkčnosti v jazyce a funkčních odborných stylů. Jakožto hispanista založil svou práci na materiálu španělského jazyka. Rozeznává dvě základní kategorie složek lexika odborného funkčního stylu, a to konstantní a potenciální. Konstantními rozumí výrazové prostředky, které mají stálou distinktivní platnost a jejichž užívání není adekvátní jinde než v příslušném funkčním stylu, např. ve stylu obchodní korespondence, kterou autor studuje. Potencionálními složkami odborného funkčního stylu nazývá Dubský výrazové prostředky převzaté z jazyka obecného nebo jiných funkčních stylů, kterých je v daném funkčním stylu možno užívat, ale které netvoří jeho nepostradatelnou součást.

Autor výstižně pojednává o charakteru konstantních a potenciálních složek, o jejich vzájemném poměru a rozdílnostech, přihlíží přitom k automatizaci, specializaci i jiným tendencím, zvláště animistické, antropomorfizační a „zdvořilostní“. Zkoumá příznakovost různých lexikálních realizací jednotlivých pojmů v různých stylistických rovinách daného pojmového pole a zjišťuje